

Музейон

М.Б. Шапошников, О.В. Троицкая

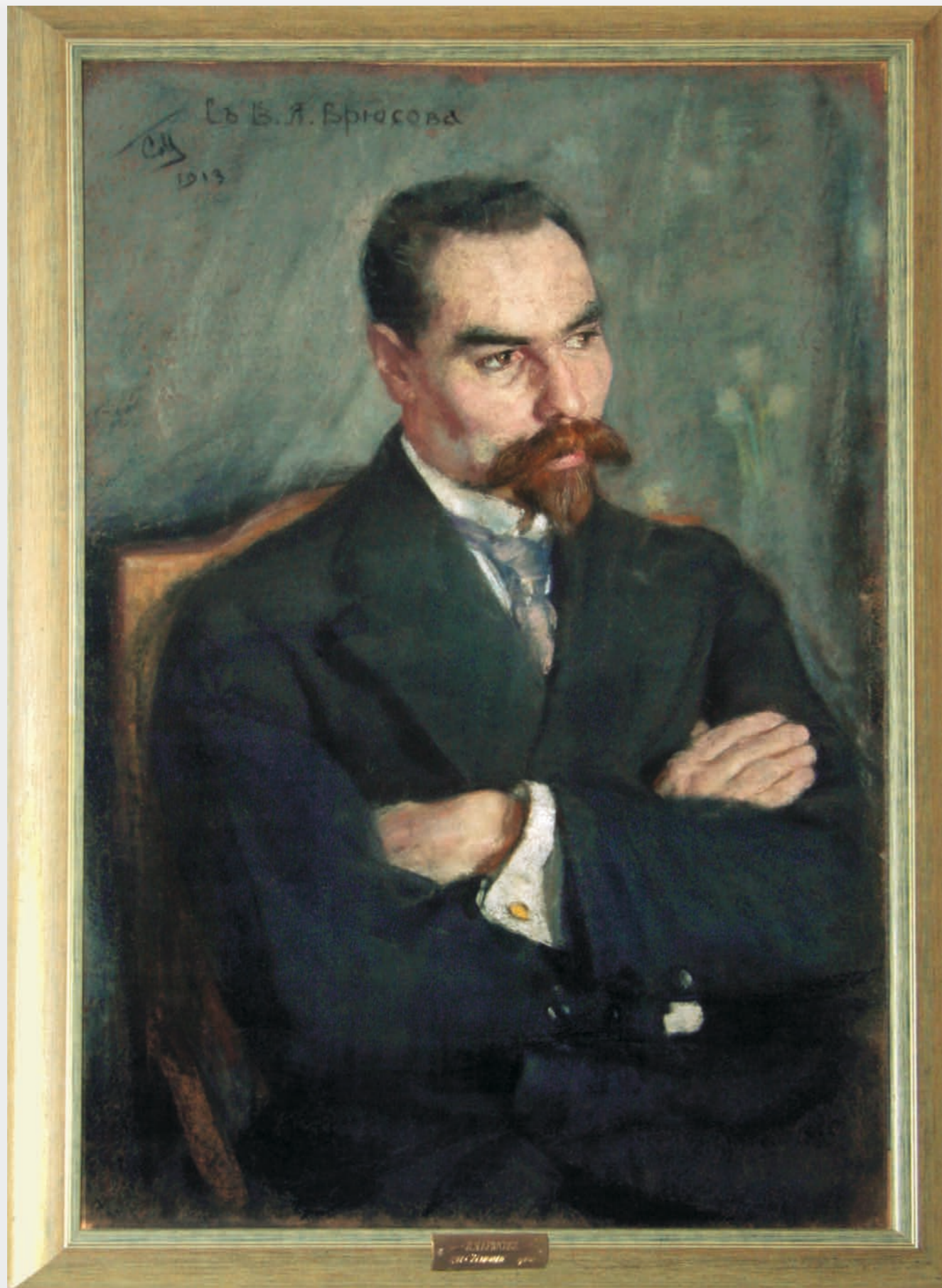
Хранилище серебряных имен

*Рассказ о двух экспозициях Государственного
Литературного музея – «Мемориальный
кабинет В.Я. Брюсова» и «А.С. Пушкин и
русская литература Серебряного века».*

*Сохрани мою речь навсегда...
О. Мандельштам*

*К тому, что было прежде времен, к тому, что будет,
обращен символ. Из символа брызжет музыка.
Она мигает сознание. Кто не музыкален,
тот ничего не поймет.
А. Белый*

Среди больших и тяжелых сталинских зданий, на запруженном автомобилями проспекте Мира стоит зажатый домами-гроздами двухэтажный особняк. Над подъездом — кованый в стиле модерн козырек. Чтобы открыть дверь, придется с силой потянуть на себя витую рукоять, а когда пройдете внутрь, она сама мягко захлопнется за вами и отсечет от слуха суетный шум. В фойе, откуда начинается путь в Мемориальный кабинет В.Я. Брюсова и к экспозиции «А.С. Пушкин и русская литература Серебряного века» в одном из отделов Государственного Литературного музея, вас охватит другой ритм, чувство иного времени и совершенно пропадет желание спешить непонятно зачем и неизвестно куда. Суета здесь кажется недостойной, громкая речь — неуместной. Вы пришли в Брюсовский дом. Здесь во времена, когда проспект Мира именовался Первой Мещанской, жил поэт, писатель, критик, исследователь творчества А.С. Пушкина Валерий Яковлевич Брюсов. Здание было построено по проекту архитектора А. Чагина и принадлежало московским купцам Бавевым. Брюсов снимал здесь первый этаж, куда он переехал в 1910-м, уже имея всерос-

М. Врубель. Портрет В.Я. Брюсова

сийскую литературную известность. После 1917-го, когда революционные власти стали «уплотнять» жильцов, поэту была оставлена небольшая квартира. В ней он и умер в 1924 году. После Великой Отечественной войны в 1949 году здесь открылся общественный музей — Мемориальный кабинет В.Я. Брюсова.

Шло время, и в 1987 году право на это помещение получил Государственный Литературный музей. К тому времени дом пришел в аварийное состояние и вполне вписывался в строку жилфонда «под снос». Реставрация продолжалась более 10 лет. 26 октября 1999-го, в год двухсотлетнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина, в восставшем почти из руин изящном доме стиля модерн Литературный музей открыл постоянную экспозицию «А.С. Пушкин и русская литература Серебряного века».

Соединение имен Пушкина с именами писателей, поэтов, художников рубежа XIX—XX веков, совмещение Века Золотого с веком Серебряным было органично и придало объемность и завершенную полноту всей экспозиции. Первые в России был создан музей, дающий комплексное представление о культурной жизни рубежа XIX—XX веков, где наиболее полно передана вся мировоззренческая и стилистическая палитра эпохи Серебряного века. Теперь музей включает в себя историко-литературную экспозицию и Мемориальный кабинет В.Я. Брюсова, восстановленный по архивным фотографиям и воспоминаниям современников.

Исторические параллели — удивительная вещь. Рубеж веков — непременно войны, смута внутренняя и внешняя, социальная, а отсюда и психологическая неустойчивость в обществе. Время с начала 1890-х до начала 1920-х годов вместило в себя столько историко-политических перемен, изменивших мировое устройство, перекроило такое количество судеб, что многие явления в культурной жизни России тех лет до сих пор остаются невыясненными и непонятыми до конца. В 1922 году Мандельштам скажет: «Может, во всей летописи русской революции не было другого такого дня, столь насыщенного содержанием, как 9-е января. Сознание значительности этого дня в умах современников перевешивало его понятный смысл, тяготело над ними как нечто грозное, тяжелое, необъяснимое. <...> Императорская Россия умерла как зверь — никто не слышал ее предсмертного хрипа»¹. Об этом трагическом переломе эпох он отзывался горькими и жесткими строками:

*Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки,
И свою кровью склеит
Двух столетий позвонки?*

Прошлое уже быть таким, как прежде, не могло, будущее — виделось неясным, как сквозь дождевое стекло. Чтобы определить его, расчет оказывался не действенен — только чутье, интуиция могли помочь найти верный ориентир в сумерках смутного времени. Но интуиция изъясняется на языке иноказания, а иноказание требует символа для своего определения. Творцы Серебряного века — А. Блок, К. Бальмонт, А. Белый, В. Брюсов, З. Гиппиус, Н. Гумилев, А. Ахматова, М. Цветаева, О. Мандельштам, Г. Иванов, С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пастернак, Д. Мережковский, Л. Андреев, М. Горький, А. Куприн, И. Бунин, А. Ремизов, В. Розанов, Н. Рерих, А. Бенуа, М. Добужинский, Л. Бакст, В. Серов, С. Малютин, К. Коровин, Б. Кустодиев, Е. Лансере, Н. Сапунов, К. Малевич, О. Розанова, Н. Гончарова — серебряные имена России, оставили нам первые прозаические, поэтические и художественные опыты узрения иного, чувственного мира, который оказался намного беспредельнее, чем тот, что можно увидеть только физическим зрением. О них — и о себе — говорил Андрей Белый: «Мы, дети рубежа, позднее встречаясь, узнавали друг друга; ведь мы были до встречи уже социальной группой подпольщиков культуры: <...> эпоха, нас родившая, была статична; мы были в те годы — заряд динамизма; отцы наши будучи аналитиками, превратили анализ в догму; мы, отдаваясь текучим процессам, были скорее диалектиками; <...> искомое целое <...> мы назвали сферой символа; под словом “символ” разумел я конкретный символ, а не абстрактный <...>»². В культурном пространстве России в короткий срок происходил стремительный процесс переосмысления эстетических и мировоззренческих идей. Интенсивность и напряженность творческого поиска до сих пор поражает воображение. «Мы для новой красоты, нарушаем все законы, преступаем все черты», — заявлял в стихах Д. Мережковский.

*О, сколько царств, сжимавших мир! Природа
Глядит с улыбкой на державства эти:
Нет, не цари — ее родные дети!
Пусть гибнут троны, только б дух народа,
Как феникс, ожил на костре столетий! —*

восклицал В. Брюсов.

¹ Мандельштам О. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 267—268.

² Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 200.

Так родился в русской культуре смятенный и прекрасный, сохранивший изящество классицизма и на разрыв отрицающий прошлое Серебряный век. Поэзия и революционность его окончательно перевела всю будущую русскую культуру в область чувственного осмысления окружающего пространства, породив в изобразительном искусстве такое понятие, как русский импрессионизм. Даже разбушевавшийся на 70 лет социализм уже не смог окончательно вытравить из русской культуры и искусства порыв к вселенскому мировосприятию, сформировавшемуся тогда, на рубеже веков.

«...Со мной мои книги, мне поет любимый размер...»

О таких, как он, говорят: «человек-веха». О Брюсове сохранились самые разноречивые воспоминания современников, он был слишком

видной фигурой, маяком, который для одних — свет в пути, для других — нежелательный луч, ослепляющий в потемках.

«...Я получил листок от О.М. Соловьевой: “У нас — В.Я. Брюсов: ждем вас”; позвонился, входим; и — вижу, за чайным столом — крепкий, скуластый и густобородый брюнет с большим лбом; не то — вид печенег, не то — татарина, только клокастого (клок стоит рогом): как вылеплен, — черными, белыми пятнами; он поглядел исподлобья на нас с напряженным насупом; и что-то такое высчитывал»³, — вспоминает свое первое знакомство с Валерием Брюсовым Андрей Белый.

Соловьев, Эллис (Лев Кобылинский), Белый, другие — они говорили меж собой о его «чуждачествах», диктаторстве, восходящем порой до тирании. Говорили так, но трогательно уважали «мэтра» и гордились им. Брюсов мог быть резок, жестко напорист, чувствуя свою силу и пользуясь ею: однажды — Белому: «Борис Николаевич, вы не

деритесь со мной: я и так вас щажу: будет плохо!»⁴ Белый пишет о нем любовно, но не скругляя острых, порой режущих граней его угловатой натуры, и оставляет нам полноценный портрет великого мастера русской литературы с его бескомпромиссностью по отношению к людям, доходящей иногда до противоречия этике: после размолвки с Бальмонтом — «“Пью, чтоб корабль, уносящий Бальмонта в Америку, пошел ко дну!”

В ту пору меж ним и Бальмонтом какая-то черная кошка прошла; шутка злою гримасою выглядела.

Скоро он перестал так шутить; и его по “Кружку”⁵, точно каменного командора водили: — Чудесный директор: навел экономию!»⁶.

И еще, о том же: «...в горении объединять, он, наш “мэтр”, умывал ноги нам; он сноился с маститостями, усыпляя внимание: перед боем; и все — для того, что нас протолкнуть; я обязан ему всей карьерой своей; я ни разу себя не почувствовал пешкой, не чувствовал “ига” его: только помощь, желанье помочь, облегчить. <...> Он, некогда поднятый нами на щит, был внимателен с нами порою... до нежности; он не держался “редактором” (“Весов”. — *Авт.*): не штамповал, не приказывал, — лишь добивался советом того или этого <...>. Я оговариваюсь: славолюбие и властолюбие жили в нем; но он диктаторствовал, так сказать, в покоренных провинциях, как-то — в “Кружке”, в “Русской мысли”⁷, в “Эстетике”⁸, с ка-

⁴ Белый А. Начало века. С. 173.

⁵ Московский литературно-художественный кружок, действовал с 1898 по 1919 г.; в сентябре 1902 г. В.Я. Брюсов был избран членом Литературной комиссии кружка, с 1908-го — председателем дирекции.

⁶ Белый А. Начало века. С. 177.

⁷ Журнал «Русская мысль» издавался в России с конца XIX в.

⁸ Общество свободной эстетики, основанное В.Я. Брюсовым.

³ Белый А. Начало века. М., 1990. С. 172.

Мемориальный кабинет В.Я. Брюсова

Часть библиотеки В.Я. Брюсова.
Мемориальный кабинет

федры или с эстрады; в своей Метрополии, в центре дружеского кружка, он держался как республиканец с бойцами, которым помог в свое время; мы помнили это и были верны ему...»⁹

В 1912 году Блок после получения от Брюсова «Зеркала теней» ответил ему посланием:

*И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к мечте твоей единственной
Прильнуть и пить напиток твой*¹⁰.

«Дух таинственный» владел им, когда он читал стихи, и об этом исполнении так же прекрасно пишет Белый: «...Брюсов не был эстрадным чтецом, а чтецом-педагогом, вскрывающим форму, доселе заклепанную; завозясь молотками, ударами голоса, сверлами глаз и клещами зубов, как выкусывающих из заклепанной формы железные гвозди, он сам вынимал стих Некрасова, Пушкина, Тютчева или Боратынского, прочно вставляя в сознание его <...>: этот день был событием; я, им ободранный, не унывал; уничтожив плохую продукцию, он показал на матерого «зверя» — на стих: как его надо холить»¹¹.

Умение «холить стих» Валерий Брюсов постиг в самой высокой мере. Для поэта-переводчика, каким он был, это — дар Божий. Брюсов в совершенстве владел шестью языками (греческим, латинским, английским, немецким, французским, итальянским), а по подстрочникам переводил более чем с двадцати языков. Он оставил в наследство будущим поколениям поэтов-переводчиков собственную школу стихотворного перевода. Помимо многочисленных поэтических сборников, романов, повестей, критических статей его переводы мировой поэзии составили целую антологию.

На письменном столе в его кабинете лежит том «Поэзия Армении» — он издан под редакцией В.Я. Брюсова в Москве в 1916 году. Книга стала ответом деятелей русской культуры на геноцид армян в 1915 году. Это был серьезный граждан-

⁹ Белый А. Начало века. С. 178—179.

¹⁰ Блок А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М., 1989. С. 230.

¹¹ Белый А. Начало века. С. 185.

В.Я. Брюсов и М. Брюсова, урожденная Рунт

ский поступок. Множество стихотворений для этого издания Брюсов перевел сам и привлек к переводам лучшие поэтические силы своего времени — А. Блока, В. Иванова, К. Бальмонта, В. Ходасевича, С. Шервинского и многих других. Благодаря Брюсову на русском языке зазвучали строки армянских поэтов, от XIII века — Иоанна Ерзынкайского, Ованнеса, Григория Ахтамарского, Саят-Нова, до современников — Александра Цантуриана, Аветика Исаакяна, Ованеса Туманяна. В Советской республике заслуги Брюсова не остались незамеченными, в 1923 г. он получил звание Народного поэта Армении.

Мемориальный кабинет сохранен таким, каким он был до конца его дней. Здесь все — предметы мебели, картины, гравюры, книги, люстра — подлинные. Диван, два кресла, некоторые стулья сохранили подлинную обивку. Шкаф для рукописей и шкаф для картотеки были специально заказаны для этого интерьера. В центре кабинета на большом письменном столе, как при жизни поэта, — чернильница, силуэт его жены, Иоанны Матвеевны Брюсовой, урожденной Рунт, выполненный в одной из парижских мастерских,

конверты книгоиздательства символистов «Скорпион», визитная карточка.

Брюсовская библиотека, первоисточник информации любого литератора, характеризует поэта как невероятно высокообразованного, даже для своей среды, мастера слова. Более тысячи книг стоят на стеллажах в том порядке, какой был при его жизни, по разделам: словари, в том числе знаменитый Брокгауз-Эфрон, русская классическая литература, западная литература, труды по истории, философии, искусствознанию, литературоведению. Здесь же хранятся периодические издания — журналы «Весы», «Перевал», «Мир Искусства», «Аполлон». Среди собраний сочинений — многотомники Э. Золя, В. Гюго, книги Э. Верхарна, Ш. Бодлера, П. Верлена, все на французском языке. Ряд полок занимала эзотерическая литература. Этими ценнейшими подлинниками XVII—XVIII веков на немецком языке Брюсов пользовался, когда писал свое самое известное произведение — роман «Огненный Ангел». Тут же — Библия и Коран, книги по истории. Есть полка, где разместились сочинения самого Брюсова: поэтические сборники «Me eum

esse», «Меа», «Наука о стихе», «Испепеленный» (о Н.В. Гоголе), «Мой Пушкин», книги его современников.

Хозяин кабинета смотрит на посетителей с литографии знаменитого портрета работы М.А. Врубеля (оригинал находится в Третьяковской галерее). Лица великих творцов, глядящие со стен в литографиях и гравюрах XVIII—XIX веков, поддерживали и вдохновляли поэта: Данте Алигьери, А.С. Пушкин, Альфред де Виньи, великий бельгиец Э. Верхарн, Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев. Из исторических личностей Брюсов предпочел иметь перед глазами портрет Наполеона Бонапарта. Он представлен литографией XIX века со знаменитой картины французского художника Луи Давида «Наполеон на Аркольском мосту». Украшают кабинет подаренные Брюсову полотна русских и иностранных художников того периода: «Декорация» Н. Сапунова, «Венеция» Ф. Рерберга, «Этюд» М. Шестеркина, работы немецкого художника-символиста Альфреда Кубина, литография «Весна в деревне» Н. Гончаровой и др. Из скульптурных изображений — гипсовый бюст поэта В. Жуковского и глиняный — друга юности Брюсова, рано погибшего поэта-символиста Ивана Коневского (Ореуса), стихотворения которого дважды издавал Брюсов.

Интересны рисунки и автографы самого Брюсова:

*...Хранят поныне плиты пирамиды
Живой завет погибшей Атлантиды.*

*Бог Тот чертил слова гигантских книг,
Чтоб в числах три, двенадцать и четыре
Мощь разума распространялась в мире.*

Пушкинский зал

Покинув кабинет Брюсова, мы вновь попадаем в фойе музея, в мир эпохи модерн. Афиши в «японском», «русском», «европейском» и «античном» стилях формируют экспозиционное пространство гардероба и мраморной лестницы, ведущей на второй этаж. Ее украшает бронзовый светильник начала XX века — юноша с факелом в высоко поднятой руке. У каждого, кто поднимается по светлому мрамору ступеней, если он хотя бы раз прикоснулся сердцем к лунно-серебристому сиянию того ушедшего времени, где символ, знак, ассоциация, миф, мистика были избраны художниками и поэтами инструментом познания бытия, невольно учащаются удары сердца. Не те же ли чувства руководили К. Бальмонтом, когда он писал:

*Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня.
Я на башню всходил и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.*

Пушкинская тема берет свой исток в посвященном Поэту «Пушкинском зале», не случайно расположенном в светлом «фонаре»-эркере, и лучами расходится в другие залы, позволяя проследить через этот концептуальный узел, как связаны с пушкинским классицизмом строгий академизм Брюсова, религиозно-философские искания Д. Мережковского и В. Розанова, изысканный эстетизм царскоселов И. Анненского и А. Ахматовой, стремление «сбросить Пушкина с парохода современности» футуристов-«будетлян».

В шести залах экспозиции «А.С. Пушкин и Серебряный век русской литературы», расположенной в бывших парадных комнатах владельцев дома, где особый эмоциональный фон создают серебряные просторы зеркал и зелень экзотических растений, «пушкинская тема» является одной из главных. Здесь заключены страницы памяти о последнем драматическом отрезке пути литературы дореволюционной России и, как иллюстрации к ним, — драгоценнейшие произведения художников Серебряного века.

Связь Пушкина со всей русской поэзией очевидна и неразрывна, она нашла свое мощное отражение прежде всего в Пушкиниане Брюсова, которая заслуживает отдельного рассказа. Это 82 работы, специально посвященные Поэту и литературе о нем. Пушкинский гений трактуется Брюсовым не только с эстетических позиций. Его внимание привлекали политические, исторические, философские взгляды великого поэта. Брюсов вдумывался в смысл, вслушивался в звучание измененных поэтом в процессе работы строк, пропущенных строф, анализируя не вошедшие в сборники начальные варианты. «Для русского поэта не может быть лучшей школы, — считал он, — как вникать в поправки Пушкина, стараясь разгадать, почему он отказался от такого-то сочетания звуков, почему один эпитет предпочел другому, почему изменил или откинул то или иное выражение». Он повторял эту мысль и в начале 20-х: «Мы как бы присутствуем в лаборатории гения, который при нас совершает чудо превращения неясного контура в совершенную художественную картину, темного намека — в глубокую, блистающую мысль»¹². Одна из его статей заканчивается словами: «Пушкин словно сознавал, что ему суждена жизнь недолгая, словно торопился исследовать все пути, по которым могла пойти

*Портрет А.С. Пушкина работы
О.А. Китренского (копия Н. Нератовой),
рукописи поэта. Пушкинский зал*

¹² Брюсов В. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. Переводы, статьи. М., 1955. С. 466.

Театральный зал

литература после него. <...> До сих пор наша литература еще не изжила Пушкина; до сих пор по всем направлениям, куда она прорывается, встречаются вежи, поставленные Пушкиным в знак того, что он знал и видел эту тропу»¹³. Вслед за Брюсовым внесли серьезный вклад в науку о литературном наследии Пушкина Д.В. Философов, Б.А. Садовский. В символистском альманахе «Северные цветы», название которого воспроизводило название альманаха пушкинского времени, в журнале «Весы» и других изданиях впервые были опубликованы некоторые автографы стихотворений и писем Пушкина, найденные в начале XX века. Листы рукописей великого поэта, впервые воспроизведенные факсимильно и изданные в 1911 г. их владельцем, великим князем-поэтом Олегом Константиновичем Романовым, несколько прижизненных изданий произведений Пушкина и замечательно выполненная художницей Н. Нератовой пастельная копия со знаменитого портрета работы О. Кипренского, соседствуют с портретом Ходасевича. Это изображение поэта эпохи Серебряного века, напряженного и внимательного, замкнутого и ищущего, творящего на грани двух миров — здешнего и нездешнего, светлого и темного — полно скрытого внутри душевного непокоя:

*Дорогой снов, мучительных и смутных,
Бреди, бреди, несовершенный дух.
О, как еще ты в проблесках минутных
И слеп, и глух!*

С полотен смотрят прекрасные, одухотворенные лица писателей и поэтов: портреты Леонида Андреева, Валерия Брюсова, Алексея Ремизова, молодого Ивана Бунина, Николая Телешова, вышедшие из-под кисти С. Малютина, В. Серова, Л. Туржанского, Б. Кустодиева — жемчужины действующего фонда. Какие предчувствия владели ими, когда они избирали друг друга для дружбы? Отчего ощущали томительную потребность в художественном воплощении лиц своих друзей, тех самых «детей рубежа», и в рассказах об их уникальных человеческих натурах? Каким прозрением знали — это те лица и натуры, которые не должны быть забыты и выпущены из внимания Времени? Теперь они собраны вместе, мы приходим к ним, и в этом — чудо такого явления культуры, как Музей вообще, где личная человеческая история и история человеческой культуры спаяны в духовный конгломерат и сохранены материально в томах изданий, полотнах, предметах.

В Пушкинском зале собраны произведения живописи и графики художников Серебряно-

¹³ Брюсов В. Избранные сочинения. Т. 2. Переводы, статьи. С. 463.

А. Бакст. Эскизы театральных костюмов

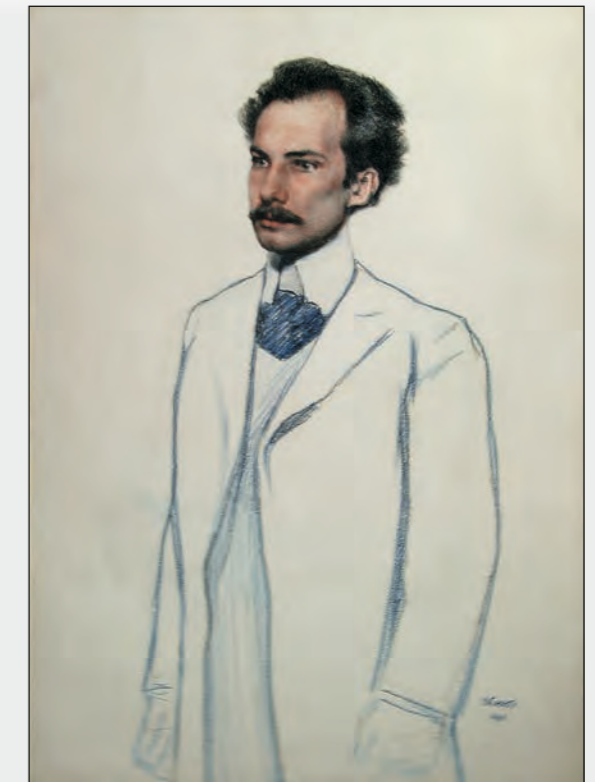
го века — В. Борисова-Мусатова, В. Поленова, К. Петрова-Водкина, под стеклом витрин — рукописи А. Блока, А. Белого и один из «опавших листьев» В. Розанова. Пожелтевшие обложки книжных изданий немногочетны, но над заголовками — ярчайшие имена писателей-символистов А. Ремизова, Ф. Сологуба, А. Белого, Д. Мережковского, а также И. Бунина, А. Куприна, Б. Зайцева. Здесь же — первый сборник товарищества «Знание», книги издательства «Шиповник». Здесь же — модернистские журналы «Золотое Руно», «Аполлон», «Труды и дни издательства Мусагет», фотографии писателей и поэтов.

На невысоком просцениуме «пушкинского» зала — рояль «Bechstein» конца XIX века, вдоль стен — собрание афиш 1900-х — начала 1920-х годов.

В Театральном зале афиши стали исторической декорацией к жизни, трепетавшей на сценических подмостках начала прошлого века. Театр — явление синтетическое, и изобразительное искусство всегда было его неотъемлемой частью. Лучшие представители этого вида творчества пробовали свои силы в сценографии, создавая эскизы декораций и костюмов. Талантом художников афиши превращались в произведение графического искусства. На стенах Театрального зала собрана живопись и графика театра Серебряного века, представленная работами С. Судейкина, Л. Бакста, А. Головина, эскизами костюмов к балету С. Стравинского «Петрушка», выполненными А. Бенуа. Театр Станиславского, театр Мейерхольда, театр Таирова возрастали на драматургии А. Чехова и Л. Андреева, М. Горького и А. Блока.

О том напоминают книжные издания — книга «Театр» в оформлении К. Сомова, первый сборник пьес А. Блока. Его драматургия стоит особняком в репертуарном списке того времени. Она мистична, бесконечно печальна и наполнена эсхатологическими предчувствиями. Трагическая подчиненность року соседствует со стремлением к недостижимому идеалу. Но стремление увидеть идеал в его творческом воплощении — остается. Свидетельство тому — объявление о лекции В. Брюсова «Театр будущего».

Когда современный ценитель театра увидит воочию дошедшие до нас материалы, связанные с жизнью и творчеством гениев сцены прошлого, не исключено, что он испытает некоторое ностальгическое чувство. Оно непременно возникает среди театральных афиш и программ — отголосков тех времен, когда зрительские души перевора-

А. Бакст. Портрет А. Белого

чивало вдохновенное мастерство В. Комиссаржевской, звучали голоса Ф. Шаляпина, Л. Собинова, Н. Неждановой...

«...Но верю, не пройдет бесследно, все то, что страстно я любил...»

Театральное искусство изначально содержит условность. Тему театра Серебряного века в зале символизма продолжают замечательные афиши, образцы стиля модерн, которые, как четыре окна в прошлое, переносят посетителя в эпоху утонченного эстетизма и безгранично свободного творчества. Из этих окон можно глядеть в мир, как с высоты птичьего полета, паря над земным хаосом и прахом: «Окно мое высоко над землею...» (Зинаида Гиппиус). С рисунков, литографий, фотографий смотрят на нас и Гиппиус, и другие «старшие» символисты — Федор Сологуб, Дмитрий Мережковский, К. Бальмонт, В. Брюсов. За ними идут «младшие» — Александр Блок, Сергей Соловьев, Андрей Белый, Эллис, Георгий Чулков, другие.

«Способность нашего познания изнутри как бы творчески освещать жизнь есть мудрость, и символизм — область ее применения. Рассудочное положение доказательно; мудрое — непосредственно убедительно. В нем потенциально включено множество рассудочных положений; эти поло-

Зал символизма

Стол В.Я. Брюсова. Зал символизма

жения, соединяясь друг с другом, образуют положения ума; эти, в свою очередь, соединяются в положения разума, которые, сливаясь с чувством, становятся символами, т. е. окнами в Вечность. Вот где кроется причина могущества простых, но бездонных евангельских слов»¹⁴.

Для всех «детей рубежа» символизм Серебряного века был не жанровым течением, а мировоззренческой платформой. «Я думал над гносеологией символизма двадцать пять лет; <...> я строил временные, всегда текущие лозунги для платформы "Весов", помня, что символизм — критическое мироощущение, революционизирующее мировоззрения, а не школа, — писал Белый. — <...> Первые четыре параграфа моей платформы гласили о том, что символическую школу я понимаю условно.

1. Символизм базирован историей критицизма; он — прорыв критицизма в свое будущее.

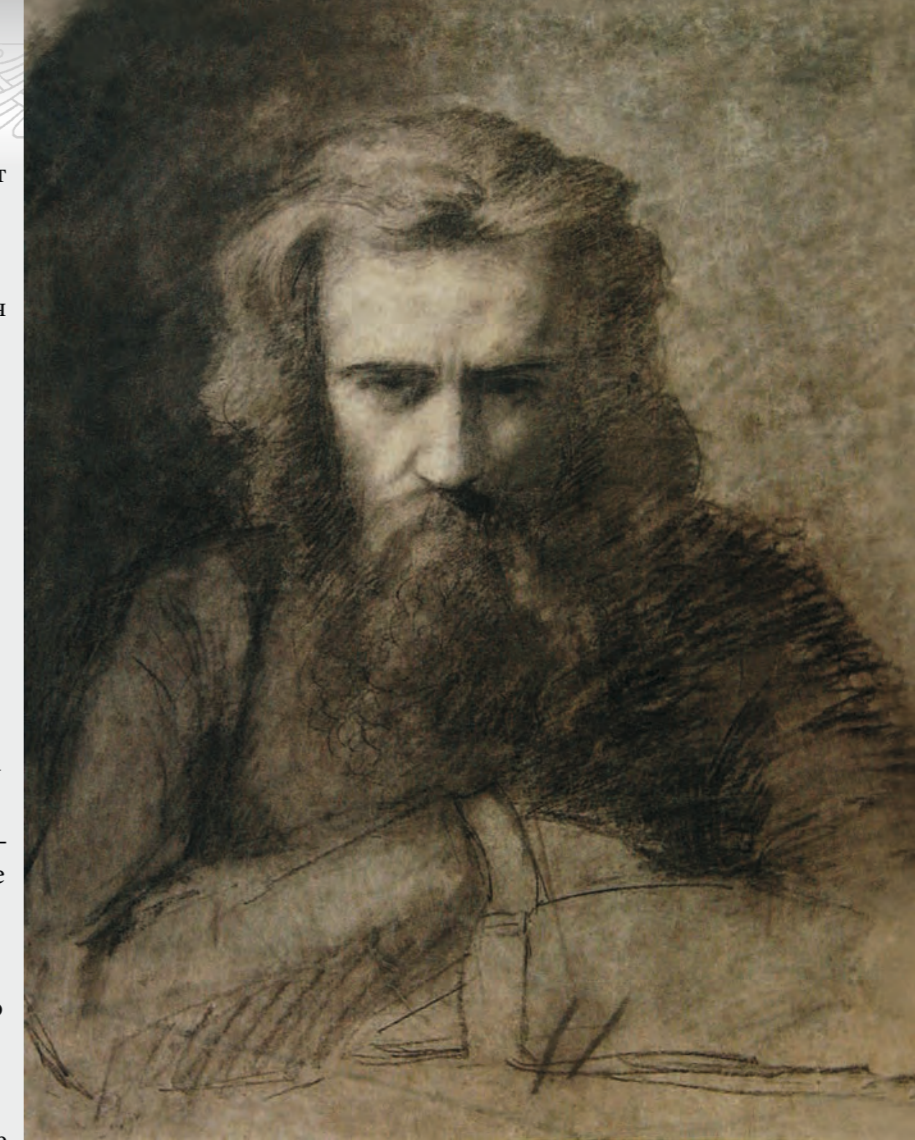
2. Он — строящее мирозерцание новой культуры.

3. Теперешние попытки зарисовать его контуры — временные рабочие гипотезы. <...>

4. Не будучи школой, догмой, но тенденцией культуры, символизм пока живет всего себя отразил в искусстве. <...>

...Конкретная симптоматика символизма: новый человек внутри нас»¹⁵.

Зародившийся, как фундамент всех будущих течений литературы и искусства Серебряного века в 1890-е — 1900-е годы, символизм — первое и самое разноплановое из литературно-художественных направлений русской литературы XX столетия. Оно обрело законченные формы под влиянием французского символизма конца XIX века: поэзия Верхарна, столь любимая русскими символистами старшего поколения, — безусловный тому пример. Но русские «вариации на тему» всегда приведут любое мировое художественное явление к своему, российскому стандарту, после чего уже теряется даже оттенок того, что привнесено извне. К тому же истоки русского символизма начали складываться гораздо ранее, и мы находим их в лирике Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Случевского, Полонского. Великолепные метафоры, образность Золотого века поэзии — залог символизма Серебряного.

Неизвестный художник. Портрет В. Соловьева

*О, этот юг, о, эта Ницца,
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет и не может.*

*Нет ни полета, ни размаха,
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья.*

Птица-жизнь — идеальная в своей законченности и внутренней полноте метафора Федора Тютчева, восходит к высокому символу, который потом повторит один из последних поэтов Серебряного века Осип Мандельштам:

*...Божье имя, как большая птица
вылетело из моей груди,
впереди густой туман клубится,
и пустая клетка позади.*

¹⁴ Белый А. Критицизм и символизм / Литературные манифесты от символизма до наших дней. М., 2000. С. 64.

¹⁵ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 189.

Зал акмеизма. Портреты А. Рейснер работы В. Шухаева и М. Волошина работы Б. Кустодиева

В. Курбатов. Портрет И. Анненского

«Лики» той эпохи — графические портреты писателей и поэтов, датируемые 1906—1925 годами. Авторство этих подлинных шедевров принадлежит Баксту, Пастернаку, Лансеру, Вышеславецеву, Татьяне Гиппиус, создавшей карандашный портрет Александра Блока. Благодаря им мы мо-

жем вглядываться в лица Андрея Белого, Юргиса Балтрушайтиса, Георгия Чулкова, Вячеслава Иванова, Сергея Соловьева...

В экспозиции рядом с фотодокументами представлены первые издания символистов в России: «Русские символисты» (1894), журналы «Северный вестник», «Новый путь», сборник стихов К. Бальмонта «Под северным небом» (1894), потому не случаен здесь ранний этюд К. Сомова «Пейзаж в окрестностях Петербурга» (1895).

Почти вся литературная жизнь того периода была сосредоточена вокруг издательств и журналов. Рупором символизма стал ежемесячник искусства и литературы «Весы» (1904—1909). В экспозиции представлен фрагмент интерьера редакции «Весов», которая находилась в здании гостиницы «Метрополь» в Москве. В витрине — «Мир Искусства» (1899), с обложкой работы Марии Якунчиковой, с оформительскими заставками и концовками Добужинского и Бакста. В журнале — статьи об искусстве А. Белого и В. Розанова, стихи К. Бальмонта с акварельными иллюстрациями С. Судейкина и В. Милиотти. Собрание великолепных имен — абсолютный раритет!

«Младшие» символисты представлены книгами и фотографиями. Один из самых ценных экспонатов — редчайшая фотография Александра Блока и Людмилы Менделеевой в ролях Чацкого и Софьи в домашнем спектакле в Боблово, подмосковном имении Менделеевых.

Николай Гумилев и Анна Ахматова с сыном Львом

Оригинальные издания книг акмеистов и реалистов

«Среди миров, в мерцании светил...»

«Любите существование вещи больше себя — вот высшая заповедь акмеизма»¹⁶ — так Осип Мандельштам определил основу литературного направления, которое пришло вслед символизму в конце 10-х годов прошлого века и с тех пор существовало с ним наравне, споря с ним и оттеняя его. «Символисты были плохими домоседами, — пишет в статье «Утро акмеизма» Мандельштам, — они любили путешествия, но им было плохо, не по себе в клетки своего организма и в той мировой клетки, которую с помощью своих категорий построил Кант. Для того, чтобы успешно строить, первое условие — искренний пиетет к трем измерениям пространства — смотреть на них не как на обузу и на несчастную случайность, а как на Богом данный дворец»¹⁷. Акмеизм подарил нам поэзию Анны Ахматовой и Николая Гумилева, Максимилиана Волошина и Марины Цветаевой, Георгия Иванова, Кирилла Нарбута, самого Осипа Мандельштама, в чьем творчестве символизм и акмеизм сошлись нераздельно. Экспозицию зала открывает портрет тончайшего лирика, их поэтического учителя — Иннокентия Федоровича Анненского работы художника А. Курбатова

Тема России для «младших» символистов была одной из важнейших. В экспозиции она поддержана русскими пейзажами — живописью Александра Бенуа и Михаила Нестерова.

*Вся Россия — лишь страданье,
Ветра стон в ветвях берез,
Но из крови и рыданья
Вырастает ожиданье
Царства твоего, Христос, —*

так писал о своей страдающей Отчизне Сергей Соловьев. История расцвета и кризиса символизма представлена широким множеством замечательных имен и известных изданий. Пафос творческого обновления коснулся практически всех сфер искусства, в том числе и книжного дела. Художниками владела жажда творческого эксперимента. Она диктовала нестандартное решение обложек, необычные шрифты, форматы и объемы изданий. Все это акцентировало новизну и оригинальность предлагаемых читателю текстов. В книгах издательств «Скорпион», «Гриф», «Оры» вновь являли свой талант уже упомянутые нами Добужинский, Судейкин, Дурнов, Сомов, Головин, Владимирив, Лансере.

(1910). Как это звучит, нежно — и бесконечно печально:

*Среди миров, в мерцании светил.
Одной звезды я повторяю имя,
Не потому, чтоб я ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими...*

«Был Иннокентий Анненский последним из царскосельских лебедей», — писал о нем Н. Гумилев.

«Острые акмеизма — не стилет и не жало декадентства. Акмеизм — для тех, кто, обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы, — говорил Осип Эмильевич. — Сознание свой правоты нам дороже всего в поэзии <...> мы вводим готику в отношения слов, подобно тому как Себастьян Бах утвердил ее в музыке»¹⁸.

Акмеисты отказывались от мистической ориентации символизма, подчеркивая роль первобытно-земного начала и ремесла, но тем не менее унаследовали его условность, образность, метафоричность. В сущности, это тоже — литература символов, только с иным базисным критерием. Слово — вот фундаментальный материал построения образа: «Для акмеистов сознательный смысл слова, Логос, такая же прекрасная форма,

как музыка для символистов»¹⁹. Сами метафоры, используемые Мандельштамом в стремлении точнее отделить акмеизм от символизма, носят тяжелый — каменный — характер: «Но камень Тютчева, что “с горы скатившись, лег в долине, сорвавшись сам собой иль был низвергнут мыслящей рукой”, — есть слово. Голос материи в этом неожиданном падении звучит, как членораздельная речь. <...> Акмеисты с благоговением поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания»²⁰.

Печатным органом акмеистов стал журнал «Аполлон», издававшийся в Санкт-Петербурге в 1909—1917 годах под редакцией поэта и искусствоведа Сергея Маковского. Это были годы мнимого затишья после революции 1905—1907 годов. Но уже тогда в прологе к поэме «Возмездие», предчувствуя близкий катаклизм, символист Блок формулирует творческую сверхзадачу:

*Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы, ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.*

Замечательна галерея полотен, размещенных в этом зале. Здесь портреты Анны Ахматовой и Александра Осмеркина, созданных Львом Бруни в 1922 и 1939 годах, портрет Максимилиана Волошина, написанный Кустодиевым в 1924-м, и неосвоенный живописный шедевр — портрет по-

¹⁸ Мандельштам О. Сочинения. Т. 2. С. 142.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 143.

Первые издания и фотографии поэтов-футуристов

этессы и революционерки Ларисы Рейснер работы Василия Шухаева (1915). Из живописи — два этюда кисти К. Коровина, акварель С. Яремича «Петербург», скульптурные бюсты Марины Цветаевой, Сергея Есенина. В витринах — рукописи и первые издания книг Иннокентия Анненского, Николая Гумилева, Анны Ахматовой, Георгия Иванова, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой, Владимира Нарбута и иных поэтов.

Карандашный шарж, выполненный художником Поляковым в 1916 году, запечатлел литературное кафе «Привал комедиантов». Здесь, почти в канун октябрьского переворота, изображены Константин Бальмонт, Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Михаил Кузмин, Демьян Бедный, Мариэтта Шагинян, Рюрик Иванов, Сергей Городецкий, Владимир Пяст, которых вскоре навсегда разделит год 1917-й. Уже в эмиграции Георгий Иванов вспоминал:

...Еще не понимая
Что будет с нами, что нас ждет,
Шампанского бокалы поднимая,
Мы весело встречали Новый Год.

Зал футуризма

На этом шарже они еще вместе, они еще подлинно свободные творцы, не разделенные политическими и идеологическими барьерами...

Хозяева «Рыкающего Парнаса»

Творческие и идейные споры с особой силой проявляются в зале, посвященном русскому футуризму и авангарду. «Слово как таковое», его форма и звучание, значили для футуристов больше, чем его содержание. Поначалу этот эксперимент в литературе вызывает отторжение и символистов и акмеистов: «Футурист, не справившись с сознательным смыслом как с материалом творчества, легкомысленно выбросил его за борт»²¹, — заявляет

Мандельштам. И еще там же: «...у футуристов слово как таковое еще ползает на четвереньках».

«Пробеги автомобилей и пролеты аэропланов, сокращая землю, дают новое мироощущение», — заявляет, будто в ответ, с афиши поэт-футурист В. Каменский. Афиши выполнены уже не в стиле модерн, а в стиле конструктивизма. Понятие о характере мировосприятия дает интереснейшая афиша 1915 г.: «Футуристы в Казани. Одна гастроль. Дворянское собрание. В четверг, 20 февраля. Знаменитые московские футуристы устраивают лекцию о живописи и литературе. Василий Каменский прочтет доклад: Аэропланы и поэзия футуристов. О влиянии технических изобретений на современную поэзию. <...> Новое понятие о красоте».

Другая афиша: «Кафэ поэтов. Угол Тверской и Настасьинского переуллка, № 1/52. Футуристы на этой неделе: Бурлюк, Каменский, Маяковский, Гольцшмидт, Спасский, Климов. Эстрада всем! От 7 до 1 ночи». Это то самое московское кафе, о котором В. Каменский пишет в своей книге

«Путь энтузиаста»: «Жажда тесного объединения новых поэтов, художников выросла до пределов необходимости немедленной организации клуба-эстрады, где мы могли бы постоянно встречаться и демонстрировать произведения в обстановке товарищеского собрания... С этой целью я с Гольцшмидтом отыскали на Тверской, в Настасьинском переуллке, помещение бывшей прачечной и основали там первое «Кафе поэтов».

Особенный интерес вызывает афиша 1920 г.: «Политехнический музей, в понедельник, 17 октября, в 7½ вечера, под председательством В.Я. Брюсова состоится вечер всех поэтических школ и групп. С декларациями и со стихами выступят: неоклассики — М. Гальперин, О. Леонидов; неоромантики — Арго, А. Мареев; символисты — А. Бельй, В. Брюсов, И. Рукавишников; неокмеисты — Адалис; футуристы — И. Аксенов, С. Буданцев, В. Каменский, А. Крученых, В. Маяковский; имажинисты — И. Грузинов, С. Есенин, А. Кусиков, А. Мариенгоф, М. Ройз-

Афиши футуристов

²¹ Мандельштам О. Сочинения. Т. 2. С. 142.

ман, В. Шершеневич, Н. Эрдман; экспрессионисты — С. Спасский, И. Соколов; презантисты — А. Наврозов, Д. Туманный; ничевоки — Б. Земенков, Р. Рок, С. Садиков; эклектики — А. Апухтин, Н. Бенар». Судя по афише, очевидно количественное преимущество имажинистов над остальными литературными группами.

Футуризм заразил своей устремленной в непонятное, непредсказуемое будущее свободой и протестующим отказом от традиций практически всех представителей культуры Серебряного века — писателей, художников, поэтов иных школ и направлений. В экспозиции — автографы Александра Блока, Сергея Есенина, Анны Ахматовой, Игоря Северянина, Николая Асеева, множество футуристических сборников и альманахов: «Футуристы. Первый журнал русских футуристов», «Футуристы “Гилея”». Сборник “Молоко кобылиц”, Рисунки. Стихи. Проза», Москва, 1914 г.; «Весеннее контр-агентство муз», «Взял!», «Барабан футуристов», «Четыре птицы», «Рыкающий Парнас», «Стрелец» и прочие. В числе фотодокументов открытка-фотография Каменского, пилота одного из первых русских самолетов. Эти интереснейшие экспонаты дают запоминающуюся и пеструю картину творческой жизни конца 1910-х — начала 1920-х годов.

Еще кипели литературные споры, еще возникли новые литературные группы и творческие объединения, еще существовала истинная свобода вдохновения и творчества, но эпоха, получившая впоследствии название Серебряного века русской культуры, уже близилась к концу... Трагическим эпилогом Серебряному веку звучат строки последнего стихотворения Александра Блока «Пушкинскому Дому» (февраль 1921 г.), автограф которого завершает экспозицию:

*Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!*

В 1921 году не стало Блока. На три года позже — Брюсова.

Инстинкт самосохранения вынуждал Андрея Белого в 1932 году свои мемуары предварять звучащим невыносимо: «Современная молодежь растет, развивается, мыслит, любит и ненавидит, не чувствуя отрыва от коллективов, в которых она складывается; эти коллективы идут в ногу с основными политическими, идеологическими устремлениями нашего социалистического госу-

дарства. <...> Стыдно признаться: до 1902 года я не отличал утопического социализма от научного марксизма; мой неинтерес к первому отодвигал Маркса от меня; придвинули мне Маркса факты: рабочее движение в России; тогда впервые узнал я о Ленине»²².

Из прочих кто-то — эмигрировал, кто-то — просто притих.

Лицо революции, музыку которой призывал слушать «всем сердцем, всей душой» Александр Блок, исказилось донельзя. Брюсов и Блок ушли первыми потому, что здесь им оставаться было невозможно. Как ни старались, не вписались в исторические перемены Сергей Есенин и Владимир Маяковский — нельзя противоречить собственному духу, даже если кругом «планов громадьё»...

К Советской России пытались примериться Ахматова, молодой Пастернак; но вот — сгублен на этапе Мандельштам, Серебряный век тихо улетывает в минувшее, и тонкий звон серебряного слова заслонен шумом рвущихся на ветру кумачовых полотен...

Минул век. Когда-то Блок написал:

*Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот,
Какая ложь, какая сила,
Тебя, прошедшее, вернет? <...>
Но верю, не пройдет бесследно,
Все, что так страстно я любил...*

Он вновь оказался прав: ничто не пропало, не кануло бесследно, и сегодня Серебряный век возвращает нам глубину и силу слова и стоящего за ним образа. Многоликого и ясного, обладающего исчерпывающей конкретикой максимально приближенной к понятию Истины. А как иначе, в односложных понятиях материализма, осмыслить пространство Космоса, куда с целью познания самого себя неизбежно стремится человеческое сознание? Для того чтобы «упаковать» в человеческую психику вселенское знание, одним крупным, исчерпывающим знаком соединить невероятное количество понятий и приблизить нас к максимально объемному восприятию приходящих к нам знаний, нам понадобится он — символ. И он — неизбежно поэтичен.

Поэзия — производная не сухого разума, а живой души. Только она способна беседовать с Вселенной на звучном языке великих обобщений. Те, не ушедшие голоса, опять зазвучали для нас знакомым, незабвенным серебром, возвра-

щая утраченное за десятилетия невольного молчания.

Магический кристалл культуры

Кто приходит сегодня в Литературный музей? Кому интересны пожелтевшие прижизненные издания, старые фотографии, журналы и афиши, извлеченные из архивных фондов? Конечно, прежде всего, литературоведам, специалистам по истории культуры и просто любителям словесности — они у нас, к счастью, не перевелись. Частые гости — студенты гуманитарных вузов. Приходят вместе с учителями школьники, всем классом, иногда добровольно-принудительно, — школа у многих успела отбить вкус к чтению. И происходит чудо: столетия вдруг сближаются, и ребятам становится ясно, зачем нужны музеи, особенно мемориальные, — чтобы мы могли «...понять загадку того, как эти люди избежали забвения, пришли к нам через огромное количество лет, что их волновало и что нас волнует, когда мы читаем их книги, смотрим на их портреты, входим в их дома...». Это цитата из курсовой работы ученицы педагогического колледжа, она проходила литературно-краеведческую практику в одном из филиалов ГЛМ.

Для сотрудников музея принципиально важно найти свою аудиторию среди молодого поколения. Чтобы помочь старшеклассникам ощутить связь времен, теснее сблизить их со сверстниками, жившими в конце XIX — начале XX столетия, в музее проходят встречи на тему «Учителя и ученики Серебряного века». Это и педагогам полезно, поразмышлять о том, в каких учебных заведениях и чему учились будущие творцы уникальной культурной эпохи, что они читали, о чем спорили, кто были их кумиры. Здесь, в музейных стенах, для них воскрешается представление об образовании, которое в старину именовалось классическим. Существовавшие наряду с естественными науками и почитавшиеся чуть ли не во главе угла образовательного цикла гуманитарные предметы — история, философия, духовные дисциплины, родной и иностранные языки и, безусловно, литература — воспитывали прежде всего личность, изначально предрасположенную к творчеству.

Сегодня, когда наши дети учатся читать по книгам, в которых эльфы, хоббиты, гномы и валькирии подменили собой богатырей, царевен и царевичей, мудрого Серого волка и дивных обитателей Лукоморья, в музее прошла выставка, о которой стоит сказать особо.

Зал, где проходят литературные вечера и концерты

²² Белый А. Начало века. С. 7–11.

«Интересной и до сих пор мало изученной, представляющей собой своеобразную тайну, является часть культуры Серебряного века, называемая детской литературой. Тема литературы для детей в дореволюционной России долгое время замалчивалась. В советское время принято было считать, что истинная, правильная детская литература возникла только после Октябрьской революции», — говорится в аннотации к выставке «Детская книга Серебряного века». Между тем очевидно, что литература для детей в те годы переживала расцвет. Издавались замечательные детские журналы, альманахи, детские книги писали талантливые прозаики и поэты, известнейшие художники их иллюстрировали, печатались большими тиражами русские народные сказки, сказки Пушкина, переводные детские книги. В экспозиции были представлены журнал «Светлячок», издание энтузиастов литературы для детей А.А. Федорова-Давыдова и последователя Льва Толстого И.И. Горбунова-Посадова, — уникальная серия издательства «Посредник» «Малым ребятам» вошла в экспозицию вместе с популярными в те годы романами Лидии Чарской и Клавдии Лукашевич. Особое место в литературе для детей занимала Поликсена Соловьева — поэтесса и художница, создававшая свои произведения под псевдонимом Allegro. Интересны редчайшие переводные издания братьев Grimm, Сельмы Лагерлеф, Чарльза Диккенса. Готовя эту выставку, сотрудники музея надеялись помочь детям, педагогам и издателям лучше узнать и осмыслить культурную эпоху Серебряного века в ее просветительском аспекте и восстановить имена и репутации, с которыми время обошлось несправедливо.

Одна из проблем, которые обозначились в работе со школьниками, — как подготовить их к восприятию историко-литературной экспозиции. Помимо обзорных и тематических экскурсий и лекций для них создана постоянная программа «В гости к писателям», проходят олимпиады, — все это служит катализатором детского творчества. Оказывается, наши дети умеют мысленно перенести себя в другую эпоху, чутко улавливают ее стиль и замечательно импровизируют, особенно в эпистолярном жанре: «Милостивый государь Александр Сергеевич! Спешу уведомить Вас, что волею случая нам суждено было остановиться в од-

ной гостинице; глядя в окно, я неожиданно увидел Вас выходящим из дорожной кибитки...» Это фрагмент воображаемого письма Грибоедова к Пушкину, — они были мало знакомы, но пятнадцатилетней Оксане Кожевниковой из города Ижевска очень захотелось, чтобы эти писатели стали близкими друзьями.

Литературные опыты школьников опубликованы рядом с серьезными научными исследованиями в юбилейном сборнике «Магический кристалл литературы», приуроченном к 70-летию Государственного Литературного музея.

За эти годы ГЛМ вырос в целостную музейную систему и стал безусловным авторитетом в международных научных и музейных кругах. Здесь работает проблемный творческий семинар директоров литературных музеев России, который является секцией Литературного комитета ИСОМ — Международного комитета музеев при ЮНЕСКО. Музей экспонирует выставки на основе собственных коллекций (а это почти миллион единиц хранения!) по всему миру, и коллекция Брюсовского дома — одна из самых востребованных.

Государственный Литературный музей сберег для будущего многое. Здесь собраны материалы по истории русской литературы от XI века до наших дней. Мемориальные филиалы музея, рассредоточенные по всей столице, хранят для нас времена Герцена, Лермонтова, Достоевского, Чехова, Пришвина, Пастернака, Чуковского... Мы можем прийти к ним — будто в гости! — и, научив себя неторопливости, побыть с ними, ощутить дух времени, которое, казалось бы, совершенно ушло в прошлое. Нам никогда не выразить до конца признательности тем, кто создает эти уникальные редкие собрания.

...Каждое мгновение что-то приходит в мир, уходит, но что-то неизбежно должно остаться с нами. Музей — место, где Прошлое обретает зримую связь с Настоящим, где оно вступает с нами в живой диалог, без которого не возрасти Будущему. А значит, здесь связываются воедино история и человек, как представитель своего времени, своей страны и как духовное существо вселенского масштаба. Главное — помнить свет, летящий издалека, когда звезда, его излучающая, уже ушла в небытие огромного мира...

Москва. Проспект Мира. Брюсовский дом сегодня